58

Ив. Соловьевъ.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ.

Критико-публистическій очеркъ по поводу выхода книги Родіонова „Наше Преступленіе“.

УЧЕБНИК-РУМЯНЦЕВ-МУЗЕЙ

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ К. Л. МЕНЬШОВА.
Арбатъ, Никольскій переулокъ, домъ № 21.
1911.

Памяти
Пролитыхъ слезъ,
Пережитыхъ страданій,
Во имя
Познанія правды
Примите сіе.

Авторъ.

I.

Когда вамъ, интеллигентный читатель, приходится остановиться на такомъ авторѣ, который талантливо и съ большими знаніями описывалъ и описываетъ какъ психологическую, такъ и бытовую стороны вашей жизни, вы при чтеніи его книги чувствомъ и помысломъ переживаете все то, о чемъ повѣствуетъ авторъ.

И ежели изъ подобныхъ авторовъ, конечно, болѣе сильные и болѣе мощные, оставили свои имена въ исторіи вашей «изящной» литературы, то вамъ, иногда, достаточно даже одного заглавія изъ ихъ произведеній, чтобы судить о духовномъ обличіи выводимыхъ ими героевъ.

Достаточно, напримѣръ, вспомнить, ну хотя бы о Тургеневѣ, и вамъ, прежде всего, навяжется образъ ни какого-нибудь мужичонки изъ «Записокъ охотника», ну хотя бы «Хоря» или «Калиныча»,—а непремѣнно образъ лица, взятый «кровь отъ крови» и «плоть отъ плоти» вашей; и когда вы сосредоточиваетесь на такомъ образѣ, (возьмемте въ примѣръ Базарова изъ «Отцовъ и Дѣтей»), то... то передъ вами, какъ живое лицо, созданное перомъ колосальнаго художника, возстаетъ типъ тогда нарождавшагося интеллигента, типъ сороковыхъ-пятидесятыхъ годовъ.

И не мудрено.

Базаровъ вамъ мысленно представляется. Вы инстинктивно, по чувству легко его опредѣляете, вы его пережили; онъ вамъ сродни.

Хотя, конечно, въ ореолѣ писательскихъ именъ безпристрастная рука исторіи записываетъ тѣхъ авторовъ, которые по своему внутреннему побужденію охватываютъ интересъ всего народа и которые, хотя до нѣкоторой степени, роднятся съ нимъ. Ибо задача жизни заключается въ движеніи къ общей для всѣхъ правдѣ, въ общемъ стремленіи къ истинному прогрессу, къ истинной культурѣ, несмотря на то, что волею судебъ весь народъ подраздѣляется на два лагеря: на народъ вообще и, на такъ называемую, интеллигенцію.

Но въ томъ-то и загвоздка, что интеллигенція исторически, время отъ времени, отклоняется отъ «общей правды, отъ общаго прогресса, отъ общей культуры». И въ результатѣ у нея—своеобразный духовный міръ, своеобразное пониманіе жизни.

Не правда ли, что никто иной, а вы, интеллигенты, напримѣръ, поставили на почетный пьедесталъ писателя Арцыбашева. Вы воскурили ему благовонный фиміамъ и имя его превознесли отъ пышныхъ салоновъ до журнальныхъ страницъ, а отсюда уже выдали ему рекомендацію первой степени и для провинціальнаго захолустья.

Что за причина?

Не отнекивайтесь! Онъ далъ вамъ Санина... Что же за штука Санинъ? Это—вашъ портретъ вновь сфотографированный. Санинъ—показатель вашихъ плотскихъ и внутреннихъ движеній впередъ, вашего нарождающагося культа. Санинъ—типъ современнаго интеллигента.

Ясно, какъ солнце въ небѣ, что и «передовой» печати, вашему зеркалу—отразителю пришелся по вкусу *идейный* Арцыбашевъ, и она благословила его похвальной критикой.

Но, вотъ на сцену литературной жизни выступило иное дѣло, дѣло, вышедшее изъ идеи познанія «общей

правды», а по сему требующее къ себѣ особаго вдумчиваго отношенія какъ отъ печати, такъ и отъ общества.

Дѣло это—явленіе необычайное.

Съ поразительной неожиданностью для всѣхъ, вдругъ на страницахъ книги какого-то неизвѣстнаго автора сталъ чудовищно вырисовываться также *типъ*, и кого-же? Типъ нарождающагося крестьянина.

Безъ всякой прикраски и напыщенной идеализаціи, безъ всякой предвзятой тенденціи въ идеѣ опредѣленія этого типа, по страницѣ за страницей упомянутой книги встаетъ передъ нами во весь свой грозный, но убогій ростъ, выкованный событіями послѣднихъ лѣтъ, *новый* мужикъ-крестьянинъ,

— Эхъ, ты, цивилизація парикмахерская!—говаривалъ, бывало, съ горькимъ упрекомъ покойный народный писатель Рѣшетниковъ.

Вотъ, именно, новый мужикъ изъ отрепьевъ этой «парикмахерской цивилизаціи» и накидываетъ на свои не мудрыя плечи какъ бы *идейный* зипунъ. Такова тема. По содержанію—онъ представляется еще болѣе прежняго обрусѣвшимъ въ невѣжествѣ, ибо, будучи въ духовномъ отношеніи предоставленъ самому себѣ, онъ умственно обворожилъ себя тѣми верхушками знаній, которыми засорило его голову, вообще, современное теченіе, и которыя просто-на-просто имъ чисто-механически, своеобразно усваиваются.

Подобное схватываніе верхушекъ, безъ нравственнаго начала, безъ мѣры и безъ разумнаго критерія, безусловно должно было отразиться разрушеніемъ на прежнемъ духовномъ обликѣ простого человѣка, и волей-неволей, въ этой, почти первобытной, средѣ, далекой отъ истинныхъ знаній, нарождается новый типъ.

Типъ этотъ ухарски разгуливаетъ по деревнѣ, очертя голову, онъ грубо свободенъ и до убожества самостоятеленъ... И ужасъ весь въ томъ то и состоитъ, что наша деревня обзавелась *именно* типомъ, типомъ

мужика Верхушкина съ верхушечнымъ разумѣніемъ, съ верхушечной логикой и съ верхушечными потугами на «переоцѣнку цѣнностей».

Такой выводъ, несомнѣнно, сдѣлалъ бы всякій, прочитавшій упомянутую книгу, изъ тѣхъ сознательныхъ и мыслящихъ людей, кто жизнь деревни знаетъ, какъ за свою, кто съ мужикомъ сроднился не по книжному внушенію, а на самомъ дѣлѣ и чья душа полна глубокаго интереса къ облагороженію сельскаго быта.

Разсматриваемую книгу написалъ дѣйствительно неизвѣстный въ литературѣ авторъ, фамилія коего И. А. Родіоновъ, а названіе книги «Наше преступленіе».

Между тѣмъ, оказалось, что читающая публика проявила большой спросъ на книгу неизвѣстнаго г. Родіонова, выпускаемую нынѣ въ свѣтъ уже пятымъ изданіемъ; кромѣ того «Наше преступленіе» переводится на иностранные языки.

И дѣйствительно, книга г. Родіонова заслуживаетъ большого интереса уже только тѣмъ, что по своему содержанію она коснулась самаго больного мѣста нашего общественнаго тѣла.

Само-по-себѣ теперь, конечно, понятно, что періодическая печать не могла оставить безъ вниманія «Нашего преступленія» и должна была промолвиться по этому случаю.

Но каково же было ея выступленіе? А вотъ: г. Родіонова не безъ ироніи обозвали реакціонеромъ и въ добавокъ приписали, что онъ клевещетъ на мужика, выводя его на сцену такимъ непривлекательнымъ, какимъ мужикъ вовсе не представляется воображенію. Это—затѣя однихъ; другіе—«Наше преступленіе» смѣшали съ произведеніями парнографическаго характера.

Не могу скрыть, досадно становится за невѣжество нашихъ критикановъ, въ особенности изъ стаи газетныхъ крикуновъ.

Вѣдь для всякаго здравомыслящаго ясно, что «подобная критика»—результатъ отъ политики, а не отъ пера художника.

Это—во-первыхъ.

А во-вторыхъ... во-вторыхъ, можно смѣло, положа руку на сердце, всегда извинить всѣ оплошности печати въ данномъ случаѣ, ибо она допустила ихъ, будучи въ состояніи невмѣняемости. И вотъ почему.

Разсудите здраво: возможно ли требовать отъ какого-нибудь журнальнаго или газетнаго писаки, при томъ же профессіонала, да еще человѣка, воспитаннаго извѣстной средой, чтобы онъ смогъ не проглядѣть въ книгѣ какого-то «неизвѣстнаго» Родіонова новый типъ, да еще какой, типъ мужика «Верхушкина».

Что и говорить, такая задача, конечно, ему не по силамъ; да она и не можетъ ему надоумиться, ибо между душою его и душою мужика, пока что, какъ въ громадномъ пролетѣ, гнѣздится полнѣйшее непониманіе. И для оцѣнки «Нашего преступленія» нуженъ не «баринъ»-интеллигентъ, а нѣчто другое. Здѣсь требуется иная сила: нуженъ свой человѣкъ, лицо, вышедшее изъ народа, свой собственный критикъ, мужикъ-интеллигентъ, свой новый Бѣлинскій...

II.

Въ силу самаго порядка вещей, наша духовная жизнь читатель, какъ единичная, такъ и общественная, подвержена двоякому проявленію. Въ одномъ случаѣ, она *опредѣляется* отъ чистаго разума, *т.-е. теоріей*, въ другомъ—она ужъ *познается* нутромъ, чувствомъ, а главное *опытомъ* по закону переживанія.

По этому сплошь и рядомъ возможны, напримѣръ, слѣдующаго характера эксперименты.

Подвертывается вамъ, читатель, подъ руку человѣкъ, имѣющій какъ бы всѣ данныя на уваженіе: онъ и либеральный политикъ, и общественный дѣятель, и даже необходимая особа въ своемъ партійномъ кругу, и все такое прочее... И вы даете ему отличную рекомендацію, по всѣмъ улицамъ и перекресткамъ, восторженно

выкрикивая языкомъ *теоріи*, который, кстати сказать, полонъ причудливаго романтизма:

— Достойная личность, какихъ немного!

Но сколь вы скоро познаете, что культъ сего субъекта—игра и что онъ, пользуясь вашимъ расположеніемъ, эксплоатируетъ тончайшимъ способомъ ваше святое-святыхъ, т.-е. душу и разумъ, вы рекомендацію о немъ уже переводите на прозаическій языкъ *опыта*.

— Ловкій, молъ, малый; не брезгуетъ никакими способами для удовлетворенія своего эгоизма, своего *я*...

Если на вашихъ, читатель, глазахъ какая бы то ни была редакція газеты или журнала затѣваетъ благотворительное дѣло, а иниціаторомъ такого предпріятія объявляется какой-либо изъ ея сотрудниковъ, то на языкѣ *теоріи* вы слащаво смакуете:

— Сотрудникъ—идеалистъ, редакція—общественная помощь!

Но если вамъ надоѣстъ подражать модѣ и настанетъ потребность взглянуть на вещи такъ, какъ онѣ есть, вы смѣло, не стѣсняясь, отчеканиваете языкомъ *опыта*:

— Сотрудникъ на подобной «комбинаціи» имѣлъ ввиду заработокъ, редакція—рекламу и розничную распродажу изданія.

Теперь возьмемте примѣръ въ болѣе крупномъ масштабѣ.

На романтизированномъ языкѣ *теоріи*—раскрѣпощеніе личности, святое стремленіе къ новымъ началамъ общественнаго и государственнаго строя, на прозаическомъ же языкѣ опыта, т.-е. въ жизни—обнищаніе личности, общій упадокъ интелекта, пораженіе нравственнаго чутья, повальная преступность противъ законовъ, освященныхъ матерью-природой, отупѣніе, мерзость отвращеніе...

Не зная лично г. Родіонова и не имѣя ни малѣйшаго понятія объ его убѣжденіяхъ, я все же смѣю утверждать, что «Наше преступленіе» могло быть написано, какъ оно есть, самымъ крайнимъ либераломъ, ибо по психологіи этого сочиненія явствуетъ, что оно принадлежитъ не языку *теоріи*, а языку горькаго *опыта*, т.-е.—нутру, чувству, пережитымъ страданіямъ.

Вотъ почему никоимъ образомъ нельзя усматривать въ сочиненіи г. Родіонова предвзятую политическую тенденцію и критиковать «Наше преступленіе» именно съ этой точки зрѣнія. Иначе запутаешься и не сможешь различить черное отъ бѣлаго.

Существуетъ вотъ гипотеза, что если бы Лермонтовъ свое демоническое «*я*» проявилъ бы въ наше время, ему пришлось бы стать въ ряды революціонеровъ.

Допустимъ на минуту, что подобная гипотеза неоспарима и можетъ быть принята иными за аксіому.

Но загляните въ душу этого революціонера, въ его святое-святыхъ,—революціонеръ молится, сильно, умиленно, проявляясь въ правдѣ во всю свою могучую натуру:

«Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердцѣ грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
. . . . . .
„Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье—далеко...
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко.

Да великому поэту становится легче, когда его метущаяся душа проникается «общей правдой», а вольный языкъ отъ навязчивой *теоріи* переходитъ въ подчиненіе къ языку *опыта*:

И храмъ разрушенный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все Богъ.

Есть, читатель, есть въ сознаніи и душѣ каждаго изъ насъ *нѣчто* общее. И это «общее» проявляется внѣ зависимости отъ убѣжденій, направленій, вытравляя со-

бою даже узко-эгоистическіе, шкурные интересы. Это «общее» и есть сама Правда, наитіе, откровеніе...

Такъ и «Наше преступленіе» написано авторомъ именно «въ минуту жизни трудную», спроста, безъ задней мысли по наитію. По своему содержанію книга г. Родіонова—правдивое слово, по темѣ—литературное откровеніе...

И дѣйствительно, нѣтъ на самомъ дѣлѣ никакихъ данныхъ, чтобы не повѣрить автору, который въ предисловіи къ книгѣ говоритъ: «эту книгу я писалъ съ единственною мыслею, съ единственною цѣлью обратить вниманіе русскаго образованнаго общества на гибнущихъ меньшихъ братьевъ, и все, что описано въ ней, взято цѣликомъ изъ жизни. Я нигдѣ не давалъ простора собственной фантазіи, не сгущалъ красокъ, но и не смягчалъ ихъ. Для меня важна была только одна правда, объ остальномъ я не заботился».

Правда и то, что «объ остальномъ» авторъ не позаботился. Такъ, напримѣръ, онъ не проявилъ особой претензіи на *художественность* сочиненія. Но для такой книги, для книги откровенія,—это уже второстепенный вопросъ... Здѣсь больше имѣетъ важности сама идея, больше заслуживаетъ вниманія само содержаніе, какъ правдивое слово.

По своему стилю Родіоновъ напоминаетъ самоучку Рѣшетникова; ему такъ же, какъ и Рѣшетникову послужила канвой для повѣсти жизнь крестьянина, по каковой канвѣ Родіоновъ и вышилъ совершенно новые узоры, но такъ же, какъ и Рѣшетниковъ, не перомъ «присяжнаго художника,» а остріемъ наболѣвшаго сердца, маткою-правдой.

И вотъ изъ матки-правды, быть можетъ незамѣтно для самого автора, слѣпился, какъ я выше объяснилъ, новый типъ крестьянина, типъ мужика «Верхушкина». Но «Верхушкинъ»—уже явная противоположность рѣшетниковскому «Подлиповцу».

«Подлиповецъ» прежде всего первобытенъ. Но не

смотря на близость свою чуть ли не къ животнымъ, онъ обладаетъ природной нравственностью по инстинкту. Всякая грубость, всякое невѣжество ему глубоко извинимы, ибо все это у него проявляется, какъ у дитяти природы, по невѣдѣнію.

И нужда «Подлиповца»—потребность въ знаніи, просвѣщеніи, а также въ благоустройствѣ своего незавиднаго быта.

«Верхушкинъ» же иное дѣло.

Въ лицѣ Лобова, въ сущности Лобова въ ковычкахъ, Верхушкинъ самъ собою прильнулъ къ четвероногимъ, въ силу признанной, хотя имъ уже самимъ, самостоятельность своего «я».

— Што человѣкъ, што собака—все равно,—резонируетъ онъ,—подохнимъ, и дѣлу конецъ. Нонче только дураки въ Бога вѣрятъ, никакого Бога нѣтъ... ѣшь, пей, гуляй съ дѣвками, веселись всласть, вотъ и все, братцы...

Вотъ каковъ культъ Верхушкина. Но невѣжество его уже непосягаемость, неприкосновенность... И извинить все это убожество его духа и тѣла ни въ коемъ случаѣ нельзя, ибо оно намѣренно поддерживается Верхушкинымъ, какъ вновь созданный культъ безапелляціонно признанный имъ, хотя для самого себя. Верхушкинъ въ назиданіе прочимъ тварямъ воспроизвелъ себя въ хозяина жизни: захочетъ—убьетъ, захочетъ—помилуетъ. И даже въ своей средѣ, гдѣ привыкли вѣками переносить всякія муки и издѣвательства, Верхушкинъ—выдающееся явленіе: онъ и убійца, и развратникъ, и богохульникъ; и все это имъ творится, какъ говорятъ, изъ любви къ искусству.

Для общежитія Верхушкинъ, безусловно вреденъ: онъ несетъ съ собою въ жизнь дикое, безсознательно-стихійное глумленіе надъ «общей правдой». Верхушкинъ—грубый произволъ, Верхушкинъ—разрушеніе быта и устоевъ...

Но въ сущности въ виду ненормальности условій,

выдвинувшихъ подобный типъ, Верхушкинъ все же является невмѣняемымъ... Въ этомъ-то и стоитъ весь ужасъ!

III.

Мать-природа одарила человѣка такими внутренними свойствами, что по инстинкту, по чутью способенъ каждый, въ особенности изъ людей нравственно развитыхъ, хотя всякій про самого себя, измѣрить и опредѣлить свои поступки въ томъ смыслѣ: хороши-ли они, плохи-ли?

Великій философъ Сократъ, геніальный знатокъ души человѣческой, оставилъ міру сокровенную истину, находя, что величайшее зло изъ всѣхъ золъ состоитъ въ томъ, чтобы, причинивъ вредъ своимъ приступленіемъ, не подвергнуться наказанію.

Не менѣе величайшій мыслитель Платонъ какъ бы дополняетъ мысль Сократа слѣдующимъ вѣковымъ изрѣченіемъ: «отнять у человѣка право быть наказаннымъ, значитъ признать его за безумнаго, ибо наказаніемъ доказывается, что онъ разумное существо, только отклонившееся отъ правды».

Такая глубина мысли несомнѣнно была проявлена величайшими людьми при разрѣшеніи задачи объ отысканіи «общей человѣческой правды», при опредѣленіи жгучаго мірового вопроса: что позволительно человѣку и что не допустимо.

Въ связи съ приводимыми сравненіями необходимо коснуться и нашего знаменитаго психолога-романиста Достоевскаго; онъ также приводитъ разрѣшеніе этого вопроса въ своемъ «Преступленіи и наказаніи».

Раскольниковъ взвинчиваетъ свою мысль предположеніемъ, что убить какую-нибудь старушонку растовщицу, ни только не грѣшно, но и полезно, ибо ея средства ушли бы на болѣе лучшіе и болѣе необходимые въ жизни элементы, чѣмъ эта вредная для всѣхъ окружающихъ, по мысли его, старушонка. Вѣдь Наполеону, думалось Раскольникову, никакой мысли о грѣхѣ

не могло запасть въ голову, когда онъ черезъ милліоны труповъ людей шагалъ къ достиженію своихъ цѣлей? И Раскольниковъ убилъ... Но въ человѣческой крови не могъ потонуть голосъ совѣсти. Пробудилась «общая правда», и свое же «*я*» созналось въ преступленіи: Раскольниковъ раскаялся.

Въ произведеніяхъ писателей-классиковъ почти всегда усматривается то или иное проявленіе извѣстной эпохи, съ ея извѣстнымъ движеніемъ, съ ея извѣстными идеалами и настроеніемъ. Также и въ типѣ Раскольникова отразилось тогдашнее обличіе интеллигентнаго общества съ потугами на попраніе «общей правды».

Но современная интеллигенція въ этомъ отношеніи ушла еще дальше, «прогрессировавъ», конечно, постепенно.

Въ повѣсти «Трое» Максима Горькаго, написанной лѣтъ 10 тому назадъ, такъ же, какъ и у Достоевскаго затрогивается вопросъ о «Преступленіи и наказаніи». Но тутъ этотъ жгучій вопросъ былъ поставленъ и проведенъ, пожалуй, еще шире, чѣмъ у Достоевскаго, въ томъ смыслѣ, что Горьковскій Илья убиваетъ безъ всякаго обдуманнаго намѣренія, совершенно случайно, но такъ, что природѣ его «я» было бы отвратительно оставить въ живыхъ Полуэктова.

У Раскольникова идея о дозволеніи человѣку *всего* возникала только въ теоріи, мысленно; Горьковскій же Илья съ таковой идеей сроднился по чувству, воспринялъ ее всѣмъ нутромъ. И хотя голосъ совѣсти до нѣкоторой степени преслѣдуетъ его, но его «*я*» устойчиво прячется за компромиссъ. И для Ильи, по пословицѣ: «либо панъ, либо пропалъ»--лучше голову разбить о стѣну, чѣмъ покаяніе.

Но не слѣдуетъ забывать, что Горькій, слѣпивъ внѣшнюю фигуру Ильи изъ костей и тѣла простолюдина-разночинца, сромантизировалъ душу для него изъ культа интеллигенціи. И на журнальномъ языкѣ подобное явленіе еще называется «идеализаціей народа».

Вотъ какимъ образомъ возможно установить, какъ мало-по-малу развивался и окрѣпалъ въ обществѣ компромиссъ съ совѣстью.

Въ наше же время на почвѣ «компромисса съ совѣстью», и культура, и прогрессъ терпятъ такое пораженіе, что страшно становится за будущую жизнь, за молодое поколѣніе.

На самомъ дѣлѣ, только стоитъ захотѣть, только стоитъ признаться, хотя каждому про самого себя, и тогда станетъ неопровержимымъ, что въ интеллигентской средѣ,—въ отдѣльной ли семьѣ, въ любой ли изъ ея профессій,—всюду на первомъ мѣстѣ «компромиссъ съ совѣстью».

Конечно, пока что, судя по внѣшней формѣ «компромиссъ», въ общемъ, сила потенціальная. Но сила эта созрѣла внутри общества и проявляется косвенно въ смыслѣ полнѣйшаго равнодушія къ протесту противъ отдѣльныхъ компромиссантовъ.

И страшно становится за «общую правду», когда интелигентская среда отрыгиваетъ изъ своего нутра на сцену повседневной жизни непереваренные куски своего компромиссизма. Когда общество насыщается до тошноты этимъ ядомъ, жизнь обезображивается такими, напримѣръ, мрачными картинами: въ адвокатурѣ нашумѣвшее дѣло съ Прилуковымъ, инцидентъ съ Пергаментомъ въ дѣлѣ Ольги Штейнъ, въ медицинѣ—съ докторомъ Панченко, въ педагогикѣ—съ «воспитателемъ» Дюлу и такъ далѣе... Вообще о подобныхъ явленіяхъ здѣсь распространяться излишне, ибо сама повседневная жизнь ихъ констатируетъ, какъ за факты, десятками и сотнями. Куда не оглянись, за что не возьмись—всюду компромиссъ. Сама жизнь стала похожей на какую-то искусственную грязную игру, гдѣ допустимы всѣ способы къ достиженію личныхъ разсчетовъ.

Общее благо, истинное знаніе, здоровая культура, нормальный прогрессъ стали закабаляться направленіемъ

моды, затушевываться партійнымъ взглядомъ, замаскировываться личной выгодой всякаго выскочки-самиста.

И всѣ уродливыя проявленія моды находятъ беззастѣнчивое отраженіе въ смыслѣ ихъ защиты и въ нашей печати.

Такъ называемая «либеральная» печать, кадя передъ интеллигентной толпой, безцеремонно смакуетъ всѣ отклоненія отъ «общей правды» и тѣмъ самымъ укрѣпляетъ въ жизни какъ безпринципность всякаго «я», такъ и уличную безпринципность, вообще, въ самомъ обществѣ.

Одна, напримѣръ, изъ столичныхъ газетъ, гдѣ участіе принимаютъ одни изъ замѣтныхъ и видныхъ именъ журнальнаго міра, по поводу гнуснаго изнасилованія какимъ-то рабочимъ четырехлѣтней малютки, опредѣленно высказалась на своихъ страницахъ въ томъ смыслѣ, что ежели подобный поступокъ способенъ сдѣлать человѣкъ въ цилиндрѣ, то почему не можетъ сдѣлать его и рабочій? Вѣдь человѣкъ тутъ не при чемъ. Наша плоть, наши чувства сильнѣе насъ самихъ!

Пусть всѣ разумники противъ меня! Но мнѣ сдается, что подобная рѣчь по своей сущности именно сводится къ словамъ мужика Верхушкина:

— Что человѣкъ, что собака—все равно; подохнемъ, и дѣлу конецъ. Нонче только дураки въ Бога вѣрятъ. Никакого Бога нѣтъ. Ѣшь, пей, гуляй съ дѣвками, веселись всласть, вотъ и все...

Ясно, какъ Божій день, что «компромиссъ съ совѣстью» вызвалъ общее интеллектуальное и нравственное разложеніе въ интелигентской средѣ, а отсюда оно перенеслось уже и на другія слои населенія.

Для всѣхъ сознательныхъ, конечно, не можетъ возникнуть сомнѣнія въ томъ, что мужикъ Верхушкинъ,—*грѣхъ интелигенціи, ея сугубое преступленіе*...

Одинъ изъ журналистовъ, критиковавшій книгу г. Родіонова, между прочимъ, очень удачно опредѣлилъ:

— Книга Родіонова—это ударъ обухомъ по интел-

лигентской головѣ,—говоритъ онъ. А развѣ можно разсуждать тотчасъ же послѣ удара? Дайте раньше опомниться, придти въ себя...

Да, опомниться необходимо! Необходимо придти въ себя, необходимо уразумѣть, что одно уже уклоненіе отъ «общей правды» составляетъ преступленіе, и нравственное, и общественное, и государственное.

Необходимо знать всѣмъ и каждому, что «общая правда» есть общее благо, взлелѣянное вѣками въ сознаніи цѣлаго народа. И что эту правду, это благо только и возможно поддержать и сохранить въ условіяхъ русскаго быта путемъ признанія дисциплины разума, строгой законности, возвеличенія религіи и путемъ проведенія въ жизнь истинныхъ знаній, здоровой культуры, нормальнаго прогресса.

И неужели интеллигенція настолько убога, что была въ состояніи проглядѣть и «общую правду» и «общее благо»...

А вѣдь въ ея рукахъ почти все: и политика, и наука, и прислуживающая ей печать.

Вотъ почему невольно и съ глубокимъ прискорбіемъ становятся памятны и по сіе время огненные стихи поэта гражданина:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и безсильная—
Матушка Русь!